

20. НЕ ПОЛОЖА, НЕ ИЩУТЬ.

Наслушался мужичокъ разсказовъ про клады, какъ люди — здорово-живешь — богатѣютъ и живутъ послѣ того, сложа руки, словно сыръ въ маслѣ катаются. Вот онъ сталъ думать думу тугую, какъ бы и ему тоже. Мужичокъ мой и спитъ и видитъ; тѣмъ только и бредитъ, что надо ему найти кладъ. Вотъ и приснилось ему, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не даетъ онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ ото сна, отъ ѣды. Что хочешь дѣлай, а надо искать клада. А какъ его искать, гдѣ искать? лѣсъ великъ. Да опять же, думаетъ про себя мужикъ, слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него взяться, умѣючи. Дай пойду къ нашему кузнецу, — тотъ все знаетъ, и нашептываетъ, и на бобахъ ворожить, и слизываетъ, авось приставитъ голову къ плечамъ, научить, какъ быть.

Кузнецъ выслушалъ его, распросилъ и говорить ему: Тебѣ, другъ, надо итти ночью, на Ивановъ день, въ лѣсъ; тебѣ сонъ такой кладъ сулить, такой кладъ, что тебя озолотить; иди на полночь въ заповѣдную кнею: либо тамъ разрывъ-траву добудешь, когда папортникъ зацвѣтетъ, либо еще лучше, самъ къ тебѣ кладъ придетъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, не дремли, не шевелись, сиди смирно, да гляди во всѣ глаза: станетъ къ тебѣ вдругъ подходить кладъ, словно изъ земли выростетъ, либо лѣшимъ, не то человѣкомъ, не то волкомъ, или лошадыю, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди; а какъ подойдетъ близко, ты не трусь — ужъ тутъ никто не будетъ, коли не кладъ, оборотнемъ то есть, и ничего не будетъ худаго, только не трусь, да вдругъ вскочи, да ударь его прямо по мордѣ, наотмашь, а про себя скажи только: аминь, аминь, разсыпся — онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, да все золотомъ, а ты загребай.... да только, слышь, чуръ все

пополамъ; съ тебя и половины будетъ, и то озолотишься!

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять таки, что кто бы ни подошелъ, чтобы ни сталъ тебѣ говорить, ты знай свое, ни чѣмъ не смущайся, а ударь только во все плечо, на-отмашь, и вели ему разсыпаться.

Мужикъ пошелъ, хоть и страшно было, инно сердце вслухъ стучить, а таки просидѣлъ, глазомъ не мигнулъ всю ночь. Вотъ-вотъ, думаетъ, шелестить что-то.... вотъ золото мѣшками несутъ.... нѣтъ; все опять затихло.... Ужъ и зорька чуть-чуть стала заниматься, хоть въ лѣсу и темнешенько, а слышно изъ-загоры, что третьи пѣтухи прокричали.... Не цвѣтеть однако папортникъ, и разрывъ-травы не видать.... Однако, вотъ зашумѣлъ листь под ногами — и слышно какъ ступаетъ, только земля стонетъ.... идетъ, идетъ и есть, ровно лѣшій.... Мужикъ всталъ, духъ занялся, а тотъ прямо на него.... Мужичокъ мой чуть не обмеръ, да вдругъ, собравшись

съ послѣдними силами, какъ хватить его во всю щеку, на-отмашь....

— Одурѣль что-ли ты съ просонья, закричалъ кузнецъ, зашатавшись, аль не видишь? Я провѣдать тебя пришелъ, а ты меня въ ухо! Ахъ ты такой-сякой....

Туть кузнецъ мой, выправивъ шею послѣ треуха, ухватилъ съ-сердцовъ мужика за космы, да давай его таскать; а тотъ давай отбиваться отъ него.

— Ты самъ, говоритъ, велѣль ударить на-отмашь, кто бы ни подошелъ; я думалъ лѣшій.....

— Самъ ты лѣшій!

И мужики наши, ни свѣтъ, ни заря, разбили другъ другу рыло, подбили глаза, повыдергали волосы и бороду и пришли, сдѣлавъ дѣло, домой.